

истин и сентенциозностью, чередуются с мрачными признаниями, неожиданно переходящими в шутку. Например, так: «Почему, когда желание или наслаждение ... достигают высшей точки, к ним примешивается какое-то чувство сомнения и скорби — страх перед тем, что будет, сомнение в том, что есть — воспоминание о прошлом, ведущее к предсказанию будущего (лучший пророк будущего есть прошедшее) ... Почему так? Или этак? Не ведаю»³⁰. Тремя днями позже Байрон записывает: «Если прав Гримм, что у гения должна быть 'une âme qui se tourmente, un esprit violent', то я поэт 'per eccellenza'; ... ибо у меня всегда была 'une âme', которая не только терзала себя, но и всех, кто вступал с нею в соприкосновение; и 'esprit violent', который чуть было не оставил меня безо всякого 'esprit'»³¹. От личных соображений (о презрении к собственной безопасности) переход к общему положению (степень безопасности всюду одинакова) и завершение в шутливом, мнимом обобщении: лучше кончить от пули, чем от хины³².

Воспоминания о детской любви к Мэри Дефф и сетования на испытываемое ныне ощущение потерянности (в описании которого грубоватый тон, возникающий благодаря нелитературному восклицанию *what the devil*, противоречит элегическому характеру записи) приводят Байрона к рассуждениям о всеобщности эгоизма (изложенным на языке философской прозы), а последующие литературные и политические экскурсы — к прозаическим, «низким» по содержанию и стилю сообщениям о подробностях диеты и несварения желудка³³.

Многообразие смысловых и стилистических оттенков отразилось в такой записи: «Последние события потрясли меня; я могу только превратить жизнь в развлечение и наблюдать, как играют другие. В сущности даже самая крупная игра корон и скипетров — что она? *Vide* последние двенадцать месяцев Наполеона. Они совершенно опрокинули всю мою систему фатализма. Я думал, что, будучи разбит, он падет *fractus illabatur orbis*, а не позволит постепенно урезывать себя, что все это будет не просто *jeu* богов, а прелюдией к более могущественным переменам и событиям. Но люди никогда не идут дальше определенной точки — и вот мы возвращаемся к тупой, дурацкой старой системе — равновесие Европы — балансирование соломин на носу королей, вместо того, чтобы оторвать у них таковые. Быть первым человеком — не диктатором — не Суллой, но Вашингтоном или Аристидом — быть первым по таланту и правдивости — значит приблизиться к божеству»³⁴.

Эта запись свидетельствует о том, как глубоко Байрон переживает современные ему политические события. Они определяют и его душевное состояние, и его мировоззрение. В своей реакции поэт колеблется между страданием и презрением, между гневом и отвращением. Этот диапазон чувств отражается и в стилистическом диапазоне: в резкости переходов от личных чувств к мыслям политического и философского характера, от лексики высокой гражданственности, включая, в традиции тех лет, латинские и французские цитаты и исторические аллюзии, к грубоватому просторечию, от поэтической метафоры об игре корон и скипетров к низкому балансированию соломин на королевских носах, а от этих уничижительных сопоставлений — к формулировке исторических и политических идеалов, по правилам высокого стиля.

От своих частных обстоятельств Байрон обращается к оценке политической ситуации, изложенной в парадоксально-иронической форме, в сти-

³⁰ Запись 28 января 1821. — *Letters and Journals*, v. V, p. 189.

³¹ Запись 31 января 1821. — *Ibid.*, v. V, p. 196.

³² Письмо Ч. Ханкоку 5 февраля 1824. — *Letters and Journals*, v. VI, p. 316.

³³ Запись 17 ноября 1813. — *Ibid.*, v. II, p. 324.

³⁴ Запись 23—24 ноября 1813. — *Letters and Journals*, v. II, p. 341—342.